

В. Г. Белинский

**Сочинения Александра
Пушкина. Статья
первая**

Виссарион Белинский
**Сочинения Александра
Пушкина. Статья первая**

«Public Domain»

1843

Белинский В. Г.

Сочинения Александра Пушкина. Статья первая /
В. Г. Белинский — «Public Domain», 1843

Белинский глубоко чувствовал связь своей критики с художественным опытом Пушкина. Через Пушкина раскрывалась ему вся перспектива развития русской литературы. Первая статья начинается характерным признанием критика: «Чем более думали мы о Пушкине, тем глубже прозревали в живую связь с прошедшим и настоящим русской литературы и убеждались, что писать о Пушкине – значит, писать о целой русской литературе: ибо как прежние писатели русские объясняют Пушкина, так Пушкин объясняет последовавших за ним писателей». Только поняв историческое значение Пушкина, Белинский смог безошибочно определять и все действительно ценное в современной ему русской литературе.

Содержание

Обозрение русской литературы от Державина до Пушкина	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8
Комментарии	

Виссарион Белинский

Сочинения Александра Пушкина. Статья первая

Санкт-Петербург. Одиннадцать томов 1838–1841 г.

Обозрение русской литературы от Державина до Пушкина

Давно уже обещали мы полный разбор сочинений Пушкина: предлагаемая статья есть начало выполнения нашего обещания, замедлившееся по причинам, изложение которых не будет здесь излишним. Всем известно, что восемь томов сочинений Пушкина изданы, после смерти его, весьма небрежно во всех отношениях – и типографском (плохая бумага, некрасивый шрифт, опечатки, а инде и искаженный смысл стихов), и редакционном (пьесы расположены не в хронологическом порядке, по времени их появления из-под пера автора, а по родам, изобретенным бог знает чьим досужеством). Но что всего хуже в этом издании – это его неполнота: пропущены пьесы, помещенные самим автором в четырехтомном собрании его сочинений¹, не говоря уже о пьесах, напечатанных в «Современнике» и при жизни, и после смерти Пушкина. Последние три тома сделаны компаниею издателей-книгопродавцев, которые, что могли сделать, как издатели, сделали хорошо, то есть издали эти три тома красиво и опрятно, но также неполно, как были изданы (не ими, впрочем) первые восемь томов.^[1] Справедливый ропот публики, которая, заплатя за одиннадцать томов сочинений Пушкина *шестьдесят пять* рублей асс. (сумму довольно значительную и для книги, хорошо и полно изданной), все-таки не имела в руках полного собрания сочинений Пушкина, – этот ропот, соединенный с столь же дурным расходом трех последних, как и восьми первых томов, и справедливое негодование некоторых журналистов на такое оскорбление тени великого поэта: все это побудило издателей трех остальных томов сочинений Пушкина *обещать* отдельное дополнение к ним, в котором публика могла бы найти решительно все, что написано Пушкиным и что не вошло в одиннадцать томов *полного* собрания его сочинений. А пропущено так много, что из дополнения вышел бы целый том, – и тогда полное собрание сочинений Пушкина состояло бы *пока* из *двенадцати* томов. Говорим – *пока*, ибо в рукописи остаются еще материалы к истории Петра Великого, предпринятой Пушкиным. Говорят, что этих материалов стало бы на добрый том, и только одному богу известно, когда русская публика дождется этого тома... Итак, *пока* хорошо было бы дожждаться хоть дополнения-то, обещанного издателями трех последних томов. О нем много толковали, и мы даже видели опыты приготовления к этому делу, которое интересовало нас еще и как удобный предлог к началу обещанной нами статьи о Пушкине. Но время шло, а вожделенное дополнение не являлось, и мы, право, не знаем, явится ли оно когда-нибудь; если же и явится, То не потребует ли еще другого дополнения?.. Это решило нас, не дожидаясь исполнения чужих обещаний, приняться, наконец, за исполнение своих собственных. Но, кроме того, была еще и другая, более важная, так сказать, более внутренняя причина нашей медленности. Година безвременной смерти Пушкина с течением дней отодвигается от настоящего все далее и далее, и нечувствительно привыкают смотреть на поэтическое поприще Пушкина не как на прерванное, но как на оконченное вполне. Много творческих тайн унес с собою

---

¹ Стихотворения Александра Пушкина. Санктпетербург. В тип. Департамента народного просвещения. Четыре части. I и II – 1829, III – 1832, IV – 1835.

в раннюю могилу этот могучий поэтический дух; но не тайну своего нравственного развития, которое достигло своей апогеи и потому обещало только ряд великих в художественном отношении созданий, но уже не обещало новой литературной эпохи, которая всегда ознаменовывается не только новыми творениями, но и новым духом.^[2] Исключительные поклонники Пушкина, с ним вместе вышедшие на попрание жизни и под его влиянием образовавшиеся эстетически, уже резко отделяются от нового поколения своею закоснелостию и своею тупостию в деле разумения сменивших Пушкина корифеев русской литературы. С другой стороны, новое поколение, развившееся на почве новой общественности, образовавшееся под влиянием впечатлений от поэзии Гоголя и Лермонтова, высоко ценя Пушкина, в то же время судит о нем беспристрастно и спокойно. Это значит, что общество движется, идет вперед через свой вечный процесс обновления поколений и что для Пушкина настает уже потомство. На Руси все растет не по годам, а по часам, и пять лет для нее – почти век. Но новое мнение о таком великом явлении, как Пушкин, не могло образоваться вдруг и явиться совсем готовое; но, как все живое, оно должно было развиваться из самой жизни общества; каждый новый день, каждый новый факт в жизни и в литературе должны были изменять и образ воззрения на Пушкина.

По мере того как рождались в обществе новые потребности, как изменялся его характер и овладевали умом его новые думы, а сердце волновали новые печали и новые надежды, порожденные совокупностью всех фактов его движущейся жизни, – все стали чувствовать, что Пушкин, не утрачивая в настоящем и будущем своего значения как поэт великий, тем не менее был и поэтом своего времени, своей эпохи и что это время уже прошло, эта эпоха сменилась другою, у которой уже другие стремления, думы и потребности. Вследствие этого Пушкин является перед глазами наступающего для него потомства уже в двойственном виде: это уже не поэт безусловно великий и для настоящего и для будущего, каким он был для прошедшего, но поэт, в котором есть достоинства безусловные и достоинства временные, который имеет значение артистическое и значение историческое, – словом, поэт, только одною стороною принадлежащий настоящему и будущему, которые более или менее удовлетворяются и будут удовлетворяться им, а другою, большею и значительнейшею стороною вполне удовлетворивший своему настоящему, которое он вполне выразил и которое для нас – уже прошедшее. Правда, Пушкин принадлежал к числу тех творческих гениев, тех великих исторических натур, которые, работая для настоящего, приготавливают будущее и по тому самому уже не могут принадлежать только одному прошедшему; но в том-то и состоит задача здоровой критики, что она должна определить значение поэта и для его настоящего и для будущего, его историческое и его безусловно художественное значение. Задача эта не может быть решена однажды навсегда, на основании чистого разума; нет, решение ее должно быть результатом исторического движения общества. Чем выше явление, тем оно жизненнее, а чем жизненнее явление, тем более зависит его сознание от движения и развития самой жизни. Лучшее, что можно сказать в похвалу Пушкина и в доказательство его величия, – то, что при самом появлении его на поэтическую арену он встречен был и безусловными похвалами необдуманного энтузиазма, и ожесточенною бранью людей, которые в рождении его поэтической славы увидели смерть старых литературных понятий, а вместе с ними и свою нравственную смерть, – что запальчивые крики похвал и порицаний не умолкали ни на минуту ни в продолжение всей его жизни, ни после самой его жизни и что каждое новое произведение его было яблоком раздора и для публики и для привилегированных судей литературных. Теперь утихают эти крики: знак, что для Пушкина настало потомство, ибо запальчивая пристрастность существует только для предметов, столь близких глазам современников, что они не в состоянии видеть их ясно и вполне, по причине самой этой близости. Суд современников бывает пристрастен; однакож в его пристрастии всегда бывает своя законная и основательная причинность, объяснение которой есть тоже задача истинной критики.

Ни одно произведение Пушкина – ни даже сам «Онегин» – не произвело столько шума и криков, как «Руслан и Людмила»: одни видели в ней величайшее создание творческого гения, другие – нарушение всех правил пиитики, оскорбление здравого эстетического вкуса.^[3] То и другое мнение теперь могло бы показаться равно нелепым, если не подвергнуть их историческому рассмотрению, которое покажет, что в них обоих был смысл и оба они до известной степени были справедливы и основательны. Для нас теперь «Руслан и Людмила» – не больше, как сказка, лишенная колорита местности, времени, народности, а потому и не правдоподобная; несмотря на прекрасные стихи, которыми она написана, и проблески поэзии, которыми она поражает местами, она холодна, по признанию самого поэта², и в наше время не у всякого даже юноши станет охоты и терпения прочесть ее всю, от начала до конца.^[4] Против этого едва ли кто станет теперь спорить. Но в то время, когда явилась эта поэма в свет, она действительно должна была показаться необыкновенно великим созданием искусства. Вспомните, что до нее пользовались еще безотчетным уважением и «Душенька» Богдановича, и «Двенадцать спящих дев» Жуковского; каким же удивлением должна была поразить читателей того времени сказочная поэма Пушкина, в которой все было так ново, так оригинально, так обольстительно – и стих, которому подобного дотоле ничего не бывало, стих легкий, звучный, мелодический, гармонический, живой, эластический, и склад речи, и смелость кисти, и яркость красок, и грациозные шалости юной фантазий, и игривое остроумие, и самая вольность нецеломудренных, но тем не менее поэтических картин!.. По всему этому «Руслан и Людмила» – такая поэма, появление которой сделало эпоху в истории русской литературы. Если бы какой-нибудь даровитый поэт написал в наше время такую же сказку и такими же прекрасными стихами, в авторе этой сказки никто не увидел бы великого таланта в будущем, и сказки никто бы читать не стал; но «Руслан и Людмила», как сказка, *во-время* написанная, и теперь может служить доказательством того, что не ошиблись предшественники наши, увидев в ней живое пророчество появления великого поэта на Руси. У всякого времени свои требования, и теперь даже обыкновенному таланту, не только гению, нельзя дебютировать чем-нибудь вроде «Руслана и Людмилы» Пушкина, «Оберона» Виланда, или, пожалуй, и «Orlando Furioso»³ Ариоста, но все эти поэмы, шуточные, волшебные, рыцарские и сказочные, явились в свое время и под этим условием прекрасны и достойны внимания и даже удивления. Итак, юноши двадцатых годов (из которых многим теперь уже далеко за сорок) были правы в энтузиазме, с которым они встретили «Руслана и Людмилу».^[5]

---

² Соч. А. Пушкина, т. XI, стр. 226.

³ «Неистового Роланда». – *Ред.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

После смерти Пушкина бумаги в его кабинете было поручено разобрать В. А. Жуковскому, Им были обнаружены и затем опубликованы в «Современнике» (1837) неизвестные дотоле произведения поэта (см. «Пушкин в печати за сто лет. 1837–1937». Соцэкгиз. 1938). В 1838 году опека, учрежденная правительством над имуществом Пушкина, приступила к изданию «Сочинений Александра Пушкина». В том же году вышли первые восемь томов. В 1841 году вышли еще три тома (IX, X и XI), изданные, как значится на обложке IX тома, «иждивением Ильи Глазунова, Матвея Заикина и К^о». Однако издание 1838–1841 гг. не было свободно от недостатков. Подбор текстов, и их редакция сделаны небрежно. Многие стихи Пушкина Жуковский переделал, некоторые смягчил или вовсе опустил. Белинский отмечал недостатки издания по мере выхода томов из печати (см. «Московский наблюдатель», 1838, т. XVI, апрель, кн. I, «Отечественные записки», 1841, т. XVII, кн. VIII, Полн. собр. соч. т. III, стр. 322–324, т. VI, стр. 272–283).

2.

Мысль о полной внутренней завершенности творчества Пушкина – «художника по преимуществу, который много творческих тайн унес с собой в раннюю могилу... но не тайну своего нравственного развития» – проходит лейтмотивом через все одиннадцать статей Белинского. Назначение Пушкина, по мысли Белинского, было осуществить на Руси идею поэзии как искусства... Но, разумеется, такая трактовка нуждается в серьезных поправках. Это касается прежде всего определения общего «пафоса» творчества поэта, заключающегося будто бы в сфере «чистой художественности». Белинский судил о Пушкине с точки зрения более зрелого, гоголевского этапа русской литературы и поэтому несколько недооценивал его поэзии с точки зрения содержания. Однако, вопреки собственной же схеме, Белинский на конкретном анализе произведений Пушкина («Цыганы», «Евгений Онегин», «Медный всадник») блестяще доказал и содержательность поэзии Пушкина и ее классово-историческую обусловленность.

3.

«Руслан и Людмила» была начата Пушкиным еще в лицее в 1817 году и окончена весной 1820 года. Отрывок из нее был напечатан в «Сыне отечества», 1820, № 15 (10 апреля), стр. 120–124, под названием «Отрывок из третьей песни поэмы «Людмила и Руслан» (от стиха «Уж утро хладное сияло», до «А как наеду, не спущу»). Продолжение этого отрывка было напечатано в следующем № 16 (17 апреля), стр. 160–165 (от стиха «Тогда от ярости немея», до «Твою пощечину забуду»). Отрывок появился без подписи автора. Отдельным изданием поэма вышла в том же 1820 году; второе издание с «Прологом» – в 1828 году.

4.

Белинский имеет в виду высказывание самого Пушкина, который в заметках о ранних поэмах (1830) писал: «Руслан и Людмилу» вообще приняли благосклонно. Кроме одной статьи в «Вестнике Европы», в которой ее побранили весьма неосновательно, и весьма дельных вопросов, изобличающих слабость создания поэмы, кажется, не было об ней сказано худого слова. Никто не заметил даже, что она холодна». В издании 1841 года, на которое ссылается Белинский, заметки Пушкина напечатаны под названием «Отрывки из записок А. С. Пушкина» (т. XI, стр. 193–248). О «бранной статье» в «Вестнике Европы» («Житель Бутырской слободы») см. примеч. 357. «Дельные вопросы» задавал Д. П. Зыков в «Письме к сочинителю критики на поэму «Руслан и Людмила» («Сын отечества», 1820, ч. CXIV, № 38, стр. 226–229), адресованном автору пространной и мелочно-придирчивой статьи о поэме

Пушкина А. Ф. Воейкову («Сын отечества», 1820 ч. CXIV, №№ 34–37, стр. 12–32, 66–83, 97–114, 145–155).

5.

Журнальные отклики на поэму Пушкина. См. В. Зелинский «Русская критическая литература о произведениях А. С. Пушкина». М. 1911, изд. 4-е, ч. I, стр. 1–91.